

КЫЗЛАСОВА И.Л.

Доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, профессор

Из архива Александра Анисимова: 1921—1923 годы

Продолжая разработку данной темы на страницах настоящего регулярно выходящего издания¹, обратимся к нескольким документам, которые относятся к 1921—1923 гг. и которые, на наш взгляд, позволяют уточнить не только некоторые факты творческой биографии одного из крупнейших исследователей византийского и древнерусского искусства, Александра Ивановича Анисимова (1877—1937), человека, внесшего исключительно важный вклад в дело сохранения художественного наследия России, но и затронуть более общие явления из истории интересующей нас области знания.

Первым из этих документов является прошение, составленное 15 июля 1921 г. протоиереем Евгением Васильевичем Преображенским, настоятелем церкви Зачатия праведной Анны, «что в Углу» в Зарядье, обращенное в реставрационный отдел Главнауки². Настоятель сообщал, что совсем недавно, 19 июня, их храм «посетил уважаемый профессор истории искусств А.И. Анисимов и прочел лекцию о храме и иконах и возбудил оживленный

интерес в членах общины храма. Особенно большое впечатление произвела демонстрация наполовину раскрытой иконы, где можно наблюдать разницу до и после раскрытия». И Совет общины пожелал «положить начало раскрытию икон в храме». Более того, желание это было столь велико, что высказывалось предположение, что приход сможет хотя бы частично профинансировать будущие работы. Таким образом, даже в условиях Гражданской войны и красного террора, в условиях общего обнищания, в двух шагах от Кремля и застенков ВЧК истинные ревнители родной старины не в силах были отказаться от благолепного устройства своего храма, которое в данном случае осознавалось в рамках установок, выработанных специалистами, которые не так давно стали активно реализовывать принципы научной реставрации. Ранее в литературе подобные примеры столь полного понимания между представителями Церкви и представителями музейно-реставрационного мира за самыми редкими исключениями не были описаны. Между тем просьбы, ис-

ходящие от духовенства о раскрытии икон, даже чудотворных, поступали к А.И. Анисимову и ранее³. Приходится сожалеть как о лакунах в архиве арестованного в 1930 г. и уничтоженного в лагере ученого, так и о недостаточной изученности сохранившихся бумаг его коллег — скорее всего, подобные примеры были более многочисленны. Вероятно, немаловажное значение в такой позиции представителей Церкви имело письменное благословение «труженикам науки», входившим в Комиссию по сохранению и раскрытию памятников древней живописи (действовала с июня 1918 г. по 1924 г.), в котором были указаны имена И.Э. Грабаря, В.Т. Георгиевского и А.И. Анисимова — то был документ, оформленный в виде древней грамоты, подписанный Патриархом Тихоном в июле 1918 г.⁴ Стоит отметить, что он какое-то время просто хранился в доме Анисимова, а позднее в его архивном фонде.

Увы, у нас нет сейчас сведений о том, удалось ли предпринять какие-либо практические шаги для реставрации икон церкви в Зарядье до последовавшего затем закрытия и разорения. Сохранились ли эти иконы? Чтобы ответить на вопрос, надо предпринять специальное расследование.

Ранее уже было опубликовано официальное письмо Анисимова в Ярославскую губернскую комиссию по отбору церковных ценностей в фонд Помгола от 6 апреля 1922 г.⁵ С 22 марта в рамках этой комиссии он вынужден был как представитель Нар-

А.И. Анисимов. 1928–1929 гг. Фрагмент фотографии. Музей-квартира Н.С. Голованова. Филиал ГЦММК. Инв. 5502. Л. 17 об. Публикуется впервые

компроса в Ярославле и других городах Ярославской губернии выполнять работу эксперта по отбору экспонатов для музея. Ученый обладал правом решающего голоса, а также правом просмотра всех вещей, даже тех, которые были до его приезда изъяты из храмов и находились в финотделе. Фактически Анисимов руководил группой сотрудников Ярославского музея, мобилизованных на эту работу. В результате было спасено немало уникальных произведений, выполненных из драгоценных металлов. Это стало возможным во многом благодаря тому, что Александр

Иванович занимал очень жесткую позицию. Так, в упомянутом письме он настаивал, чтобы было исправлено «прискорбное недоразумение» и возвращена на прежнее место снятая в его отсутствие бриллиантовая звезда с высокохудожественной ризы XIX в., находившейся на фресковом изображении Богоматери. Таким образом, памятник, представлявший собой музейную ценность, оказался разрознен, писал Анисимов, и уточнял: «я обязан оценивать все предметы не обращая внимания на то, из чего они сделаны и принимая во внимание только их художественное достоинство»⁶.

Совершенно ясно, что Анисимов-эксперт был весьма востребован и в Москве, так же как понятно, что сейчас мы можем составить об этом представление лишь по отдельным, достаточно случайно дошедшим до нас документам. Так, в архиве ученого сохранился акт осмотра им икон в церкви Св. Николая Чудотворца в Плотниках на Арбате. Это происходило 22 апреля в присутствии священника Владимира Николаевича Воробьева⁷ и члена приходского совета Н.В. Угримовой⁸. Здесь стоит напомнить, что настоятель храма был известным в Москве проповедником, духовником и другом ряда известных церковных ученых, философов и деятелей культуры, он был близок митрополиту Петру (Полянскому), а 12 декабря 1923 г. определением Св. Синода назначен членом Московского Епархиального Совета при Патриархе Тихоне⁹.

По раннее изданным источникам известно, что само изъятие церковных ценностей в храме проходило 4 апреля¹⁰. Можно с осторожностью предположить, что осмотр икон, состоявшийся через три недели, не был частью той же компании по изъятию (о ней в тексте акта нет ни слова), но все же явился ее прямым следствием. Приведем единственный вывод, который был сделан Анисимовым: «по осмотре икон обнаружилось, что нижеперечисленные иконы требуют реставрации, как представляющие несомненную археологическую и художественную ценность». И далее были указаны названия десяти икон, а кроме того добавлены шесть малых икон (без названий) и плащаница¹¹. На наш взгляд, возможна следующая реконструкция событий: во время изъятия с икон в храме был снят целый ряд окладов и при этом обнаружались возникшие ранее утраты основы, грунта или живописи, которые прежде не были заметны. К этим утратам во время удаления окладов неизбежно добавились новые осыпания грунта, сколы, царапины и пр. И мудрый настоятель, к тому же являвшийся выпускником Московского Археологического института, решил предпринять реальные шаги по реставрации икон, а кроме того, заручиться документом, подтверждающим их «археологическую и художественную ценность» на всякий случай (например, если какие-то иконы придется переместить для пущей сохранности за пределы храма). Акт осмотра, подписанный таким ав-

68/69

Акт осмотра икон

в церкви Св. Николая, что в Плотниках на Арбате.

Осмотр был произведен „22“ апреля
А. И. Анисимовым в присутствии
священника В. Н. Воробьева и члена приходского
совета Н. В. Угрюмовой.

При геш по осмотре икон обнаружилось,
что нижеперечисленные иконы
требуют реставрации, как представляющие
несомненную археологическую и художественную
ценность.

1. Икона Троицкой Божией Матери.
6. Малая икона в Троицком приделе.
7. Икона Скорбящей Божией Матери.
9. Икона Троицкой иконы.
10. Икона Сошествия во АДВ.
11. Икона Воскресения Телца Христа и 12 протв.
12. Икона Архангела Михаила.
13. Икона Архистр. Михаила.
14. Икона Троицкой.
15. Икона Св. Николая Удотворца в Никольском приделе.
16. И. Воскресение Христово (выносная)
17. Младенца.

Подписано священником В. Н. Воробьевым
13 мая 1922 года

торитетным экспертом, как Анисимов, позволял в дальнейшем обратиться за помощью к реставраторам, которые были сотрудниками Центральных государственных реставрационных мастерских (они нередко работали в действующих церквях) или привлечь иных мастеров.

Для нас выразительнейшие документы 1921 и 1922 гг. невидимыми нитями связаны с еще одним — докладом (сохранились его тезисы) Александра Ивановича Анисимова с обобщающим названием «Гибель памятников древнерусской художественной культуры», который публикуется ниже. К сожалению, неизвестно точно, где прозвучало это сообщение и лишь приблизительно можно датировать его зимой 1922 — весной 1923 г.¹² Вместе с тем едва ли не все тексты, написанные ученым, обладавшим широким кругозором и даром слова, а также ярким общественным темпераментом, представляют ныне значительный интерес.

Начиная с 1910-х гг. Анисимов не раз выступал с докладами и лекциями по проблемам охраны памятников старины и средневекового искусства, в том числе излагая свое видение вопросов реставрации икон и фресок. Далеко не все было издано. Некоторые выступления исследователя известны только по названиям или же упоминания о них малоинформативны, но думается, что о большинстве просто не сохранилось сведений.

Список трудов ученого, как вошедших в науку, так и оставшихся в

рукописях, который был опубликован в 1984 г.¹³, в последующие годы был пополнен рядом увидевших свет вновь найденных рукописей и материалами, хранящимися в архивах, но все же именно период с 1921 по 1925 г. до сих пор представлен лишь единичными работами Анисимова. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к предлагаемым вниманию читателей тезисам доклада.

Общеизвестно, что 1922 г. вошел в историю завершением Гражданской войны, образованием СССР, пятилетней годовщиной октябрьских событий 1917 г., изъятием церковных ценностей и новой волной репрессий, обрушившихся на священство и верующих, созданием Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б), массовой высылкой за границу ученых-гуманитариев, разгромом Всероссийского комитета помощи голодающим и целым рядом иных событий. Близкий друг и коллега Александра Ивановича Анисимова, Павел Павлович Муратов, отсидевший небольшой срок в тюрьме как член упомянутого комитета, в сентябре под предлогом устройства зарубежной выставки русского искусства (включавшей и иконы) нашел возможность выехать с семьей в командировку в Европу, откуда уже не вернулся¹⁴. Анисимов также успел к этому времени дважды побывать под арестом в 1919 и 1921 г. — в первом случае в застенках Кронштадта он ждал расстрела. Не мог не знать ученый и об отдельных арестах и высылках, которым подвергались представители гу-

манитарной интеллигенции за антисоветскую деятельность, выразившуюся в резкой критике советской власти. Но ведь именно такую формулировку без труда могли применить власть предержащие к автору доклада о гибели памятников искусства, который, очертив полную трагизма ситуацию, возлагал свои упования не только на мобилизацию сил специалистов внутри страны, но как о последнем средстве мечтал о помощи Европы и США¹⁵.

В какой бы аудиторией не делался этот поразительный по содержанию пространственный доклад, очень трудно справиться с бурей чувств, которую вызывает понимание дерзновенной смелости его автора. Впрочем, изучение жизненного пути Анисимова уже не раз приводило к подобным мыслям¹⁶. Он действительно был специалистом, обостренно чувствующим свою личную ответственность за сохранение художественного наследия России. Так, в 1923 г. он написал одному из своих наставников на научном поприще, вы-

нужденному уехать в эмиграцию еще в 1920 г.: «русские культурные деятели, где бы они не находились, стремятся все к одной и той же цели: культурному преуспеянию родины и ее национальному величию»¹⁷. Для автора письма эти возвышенные слова были простым и точным изложением жизненного кредо.

Совершенно ясно, что доклад, имеющий характер своеобразной декларации, стал подведением итогов за все пять лет, прошедшие с 1917 г., но нельзя исключить, что конкретным поводом, приведшим к его созданию, стало указание заместителя СНК РСФСР А.И. Рыкова о желательном сокращении расходов на охрану памятников искусства и старины, которое было принято к действию, например, в Петрограде 25 сентября 1922 г.¹⁸

Текст рукописи публикуется согласно нормам современной орфографии, сокращенные слова (за исключением пропуска одной буквы) дополнены в квадратных скобках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кызласова И.Л. О докладе А.И. Анисимова, посвященном В.В. Стасову // Кадашевские чтения. Сб. докладов конф. Вып. XII. М., 2013. С. 224–226; Анисимов А.И. Искусствопонимание Стасова / подгот. текста И.Л. Кызласовой // Там же. С. 227–236; См. наиболее полную библиографию работ об ученом и первую публикацию ряда документов: Кызласова И.Л. Новые материалы к биографии А.И. Анисимова: Москва, Ярославль, Кострома // XVI Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995). Сб. статей / сост. В.В. Горшкова, Е.Ю. Макарова, науч. ред. И.Л. Бусева-Давыдова. Ярославль, 2012. С. 215–249;

2-е допол. изд. в: Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2013. Вып. 11. С. 109–132.

² ОР ГТГ. Ф. 68. Д. 183. Л. 1–1 об. Отметим, что документ сохранился в фонде А.И. Анисимова, а не в фонде Главнауки, хотя можно допустить, что туда была направлен еще один экземпляр прошения. Сведения о Е.В. Преображенском очень ограничены, см.: Православное духовенство Москвы на 1914 г. URL: <http://www.petergen.com/bovkallo/sp/moskva1914ch.html>.

³ См., например, в письме А.И. Анисимова И.Э. Грабарю от 7 мая 1919 г., написанном вскоре

после возвращения из поездки в Кирилло-Белозерский монастырь, читаем: «Мы подробно осмотрели Кириллову Одигитрию (чудотворную, принесенную им с собой из Москвы) и укрепили ее. Она хорошо сохранилась, и я хотел бы ее расчистить: она даст новый материал для изучения московско-суздальской школы. Новый настоятель готов изъять ее из летнего хода по деревьям в любое время и очень просит открыть ее. Потом этого не добьемся». — ОР ГТГ. Ф. 106. Д. 1713. Л. 2. Из текста также следует, что настоятель был давним знакомым А.И. Анисимова. Упомянутая икона датируется около 1397 г. и хранится в ГТГ, см.: Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной квалификации / ГТГ. М., 1963. Т. 1. Кат. № 215 на с. 253; Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Серия «Древнерусское искусство X—XVII веков. Иконопись XVIII—XX веков» / ГТГ. М., 1995. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV века. Кат. 66 на с. 152–153. Икона была раскрыта в 1926 г. в Центральных государственных реставрационных мастерских в отделении, занимавшемся реставрацией темперной живописи (икон), которым руководил А.И. Анисимов.

⁴ Андроник (Трубачев), иеродиакон. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 4. С. 18; Кызласова И.А. О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи // Вестник ПСТГУ. История: История Русской Православной Церкви. М., 2006. Вып. II: 2 (19). С. 27–33; последнее допол. издание: Она же. О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: сб. статей по материалам науч. конф. (25–28 мая 2010 года) / ответ. ред. Л.В. Нерсесян. ГТГ. М., 2012. С. 421–442.

⁵ Игошев В.В. Участие А.И. Анисимова в ярославской комиссии по изъятию церковных ценностей // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М., 1995. Вып. 16. С. 90–95.

⁶ Цит. по: Там же. С. 90–91. Всего за время работы комиссии экспертам удалось сохранить от передачи в Гохран 731 памятник. Именно этот фонд лег в основу созданного в том же 1922 г. Музея церковной старины. Об активном участии А.И. Анисимова и ярославских специалистов в этой работе см.: Рязанцев Н.П. «Спасти живую старину...» Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918–1929 гг. Ярославль, 2000. С. 40; Грязнова Н.А. Сокровища Ярославля. Русское прикладное искусство XIII–XIX веков в собрании Ярославского музея-заповедника. М., 2009. С. 403; Горшкова В.В. История собирания и изучения ярославской иконописи // Иконы Ярославля XIII — середины XVII века. Шедевры древнерусской живо-

писи в музеях Ярославля. М., 2009. Т. 1. С. 15–16; Горшкова В.В., Федорчук А.В. Об одном источнике пополнения коллекции древнерусского искусства Ярославского художественного музея // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: сб. статей по материалам науч. конф. (25–28 мая 2010 года) / ответ. ред. Л.В. Нерсесян. ГТГ. М., 2012. С. 547–548.

⁷ В.Н. Воробьев (1876–1940, погиб в заключении), окончил Саратовскую Духовную Семинарию (1899), Московский Археологический институт (1914), настоятель храма Николы в Плотниках (1918–1924), член Московского Епархиального Совета при Патриархе Тихоне (декабрь 1923 — декабрь 1924); арестован 10 декабря 1924 г. и находился в тюрьме до 15 марта 1925 г. Обвинение при аресте «систематически вел антисоветскую агитацию среди верующей массы, распространял ложные слухи о гонениях на церковь и служителей культа со стороны соввласти и вмешательстве иностранных государств в защиту церкви»; в тюрьме и лагере 1930–1932 гг., в ссылке в 1932–1938 гг., в тюрьме 1938–1940 гг., см. подробнее: URL: <http://sr.isa.ru/> (от 25.01.2014).

⁸ Н.В. Угримова, жена профессора-агронома А.И. Угримова (1874–1974); семья жила в Плотниковом переулке. А.И. Угримов перед революцией возглавил Российское общество сельского хозяйства и в 1921 г. являлся членом Помгола, за что и был выслан с семьей из страны в 1922 г., см. подробнее: Решикова В.А. Высылка из РСФСР // Минувшее. Вып. 11. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1992. С. 199–203, то же: URL: http://krotov.info/libr_min/17_r/ez/chikova.htm (от 25.01.2014).

⁹ URL: <http://sr.isa.ru/>.

¹⁰ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сб. документов из фонда Реввоенсовета Республики / сост. Мазырин А., диакон, В.А. Гончаров, И.В. Успенский. М., 2006. С. 54–55.

¹¹ ОР ГТГ. Ф. 68. Д. 69. Акт написан рукой неизвестного спустя три недели после осмотра, т.к. датирован 13 мая 1922 г., заверен подписями протоиерея В.Н. Воробьева и А.И. Анисимова. К сожалению, перечень икон не содержит никаких дополнительных сведений (ни размеров, ни датировок и пр.), что затрудняет выявление их среди сохранившихся ныне в музейных фондах. Стоит отметить, что в списке икон пропущен № 8. Храм был закрыт в 1929 г. и снесен в 1932 или 1933 г.

¹² В тексте упоминаются осень 1922 г. и Московское археологическое общество, которое было закрыто в июне 1923 г. Кроме того, в названии автор указал, что он является действительным членом, но не сказано какой организации или общества, скорее всего, в нем и был прочитан доклад. Не исключено, что это была Российская академия художественных наук, но все же скорее — Институт археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

¹³ Список трудов А.И. Анисимова / сост. Г.И. Вздорнов // Советское искусствознание. М., 1984. Вып. 2. С. 317–320.

¹⁴ Хитров А.М. Образы Древней Руси Павла Муратова // Древнерусская живопись: История и исследования / сост., предисл. А.М. Хитрова. М., 2005. С. 13–14.

¹⁵ Ср., например, формулировку обвинения, предъявленного в 1924 г. протоиерею В.Н. Воробьеву — примеч. 7 настоящей работы.

¹⁶ См., например: Кызласова И.Л. О Соловецком монастыре, художнике Осипе Бразе и искусствоведе Александре Анисимове // Вестник ПСТГУ. Серия

V. Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2010. Вып. 3 (3). С. 123–128; Она же. О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи... С. 439–441.

¹⁷ Письмо Н.П. Кондакову от 11 июля 1923 г., цит. по: Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы: По материалам архивов. М., 2000. С. 238.

¹⁸ Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. Ч. 1. С. 128.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГЦММК – Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки
ОР ГТГ – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНИСИМОВ А.И.

Доклад действ[ительного] чл[ена] А.И. Анисимова «Гибель памятников древнерусской художественной культуры». Положения доклада

I. На памятники древнерусской художественной культуры в России всегда обращалось мало внимания: их чаще переделывали в соответствии новым потребностям, просто разрушали и очень редко как следует реставрировали.

II. Интересы древнерусской художественной культуры отстаивали сто-

личные и провинциальные археологические общества и правительственный орган – Императорская археологическая комиссия, субсидируемые частично или всецело правительством, но в крайне недостаточной степени.

III. Решение вопроса о месте прохождения ж[елезно]д[орожной] линии Петроград – Орел через Новгород,

принятое особым межведомственным совещанием в ущерб новгородским памятникам и без всякой нужды для дела особенно характерно в смысле отношения к русской художественной старине в прежних правительственных и так наз[ываемых] «деловых» кругах*.

IV. На протяжении революционных лет археологические общества почти бездействовали, всероссийские археологические съезды прекратились и охранительные в отношении памятников функции перешли от переставшей существовать Археологической комиссии в Наркомпрос, к отделу музеев и охраны памятников искусства и старины.

V. В течение четырех лет – с 1918 года по 1922 год – отдел музеев и охраны развил исключительную по энергии и достигнутым результатам работу в области охраны и реставрации памятников древнерусской художественной культуры: московскими силами произведены ответственные и сложные архитектурные реставрации в Кремле и центральной России, петербургским филиалом отдела – таковые же в Новгороде Великом и северной области, Всероссийской комиссией по раскрытию памятников древнерусской живописи укреплены и раскрыты выдающиеся по своему художественному и историческому значению циклы фресковых росписей и десятки перво-

классных икон, которым предстоит занять почетное место в истории мирового искусства.

VI. С 1922 года реставрационная деятельность отдела музеев и охраны совершенно прекратилась и ограничивается мелкими работами в Москве и Петрограде, не имеющими никакого плана и серьезного значения.

VII. Между тем обследования отделом некоторых наиболее замечательных памятников древнерусской архитектуры и живописи (древние здания Ярославля и Пскова, Спас Нередица, Волоотово и Ковалево в Новгороде, храм Георгия в Ладоге, деревянная Курицкая церковь на берегу Ильменя, Успенский собор во Владимире) показали неминуемо предстоящее им в ближайшие годы разрушение, если своевременно не будут приняты нужные меры для их охраны.

VIII. Вместе с тем снятие с икон металлических окладов, произведенное в порядке отображения у церквей материальных ценностей, обнаружило во многих случаях такое состояние древних памятников живописи, которое угрожает им полной гибелью.

IX. Последние обстоятельства, изложенные в п[унктах] VI–VIII, побудили Новгородское общество любителей древности обратиться к А.И. Анисимову, как своему почетному члену, с просьбой озаботиться принятием мер, которые могли бы спасти новгород-

* См.: Маркина Г.К. Строительство железнодорожной магистрали Петроград – Царское Село – Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 331–362 (примеч. И.А. Кызласовой.).

ские памятники от ожидающей их катастрофы.

X. Осенью 1922 года А.И. Анисимов посетил Новгород Великий и в сопровождении представителей Новгородского филиала отдела музеев и охраны обследовал все наиболее выдающиеся памятники искусства и старины, зафиксировав их состояние протоколом, а в одном случае (в отношении фрески Благовещения [церкви] Феодора Стратилата на Торговой стороне) рекомендовал немедленно обратиться в отдел музеев и охраны.

XI. Результаты своего обследования А.И. Анисимов изложил Новгородскому обществу любителей древности в заседании 22 августа / 4 сентября 1922 года, указав, как на единственный реальный и серьезный исход из создавшегося положения, обращение за помощью к Западной Европе и Америке. А.И. Анисимов указал, что прекращение работ по охране и реставрации памятников стоит в связи с общим финансовым кризисом государства. Если бы даже этот кризис разрешился благоприятно в некоем неопределенном будущем, интересы охраны памятников древнерусской художественной культуры все равно неминуемо были бы поставлены на последний план вследствие необходимости налаживать разрушенный государственный аппарат во всех областях народной жизни, особенно же в хозяйственной области. В мировой войне Россия потерпела больше всех других государств, пережив революцию, и

если народы в порядке общечеловеческой солидарности и международной связи не отказали нам в помощи при борьбе со страшным голодом, они не откажут нам и в защите другого грозящего нам бедствия — гибели памятников древней художественной культуры, тем более что эти произведения искусства есть ценность и достояние всего человечества и нация является лишь временной их держательницей и хранительницей. Международная помощь могла бы прийти в форме организации международного археологического института или комитета для обследования и поддержания памятников древнего искусства по типу уже существующих в Греции, Турции или Италии иностранных институтов, но с несколько специальными заданиями. Так как вопрос об организации международного института вопрос сложный, требующий всестороннего обсуждения и сношения с центральными советскими учреждениями, А.И. Анисимов рекомендовал Новгородскому обществу любителей древности обратиться по поводу выказанного им предложения к старейшим археологическим обществам России — «Московскому» и «Русскому» (в Петрограде) — с просьбой обсудить данный вопрос и принять к разрешению его нужные практические меры.

XII. Московское археологическое общество ныне получило от Новгородского общества любителей древности такое обращение. Необходимо первоначально обсудить вопрос с прин-

ципальной стороны, ближайшей же практической мерой мог бы быть или созыв конференции представителей заинтересованных обществ и учрежде-

ний или организация всероссийского археологического съезда в Москве.

ОР ГТГ. Ф. 68. Д. 183. Л. 1–2. Автограф.